

криминальная мелодрама

Екатерина ГРИНЕВА

Новое громкое имя!

Муж-незнакомец,
или Сладкие сны о любви

Екатерина Гринева

Муж-незнакомец, или Сладкие сны о любви

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=333252

Муж-незнакомец, или Сладкие сны о любви: Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-43349-0

Аннотация

Инна разочаровалась в семейной жизни – муж Володя совсем отдалился от нее и после очередной ссоры внезапно уехал в командировку. Его телефон не отвечал, а коллеги отделивались туманными намеками, и тогда Инна последовала за ним в Питер. Случайный свидетель рассказал девушке, как Володю легко ранил какой-то незнакомец, и отдал забытый мужем кейс. Из его ежедневника Инна узнала, что Володя собирался в Эмираты, и тоже вылетела в Дубай. Там она неожиданно для самой себя оказалась в объятиях знойного гида-араба и только потом узнала о готовящемся рейдерском захвате фирмы Володи. Инна не задумавшись бросилась ему на помощь, но сможет ли это спасти их брак?..

Екатерина Гринева

Муж-незнакомец, или Сладкие сны о любви

Утро выходного дня началось хуже не бывает: я забыла выключить будильник, поставленный на шесть утра, и теперь заливи́стая трель заполняла все пространство, назойливо впиваясь в уши.

– Черт! – услышала я шипенье мужа, он повернулся на другой бок, закрыв голову подушкой. – Не могла, что ли, выключить эту тарахтелку?

– Забыла, – честно призналась я.

Он что-то буркнул и снова отключился.

А я лежала и смотрела в потолок: сон слетел с меня, и, судя по всему, заснуть уже не удастся. Но через полчаса непрерывного созерцания новенького натяжного потолка я все-таки задремала и проснулась от громкого шепота мужа.

– Инка! Ты все еще спишь?

– Сплю.

– А завтрак?

– Перебьешься.

– Ну, Инн! – заканючил муж. – Есть-то хочется.

– Прямо с утра? – поддела я его.

– Прямо с утра, – подтвердил он.

– Позже.

– Еще чего! Давай вставай и готовь!

Я повернулась к мужу и прижалась к нему. Он лежал ко мне спиной.

– М-мм, – промурлыкала я. – А что мне за это будет?

– Надо подумать.

– Как долго?

– Сообщу о своем решении после завтрака.

– Такая постановка вопроса меня не устраивает, – я провела пальчиком по его шее и прошептала:

– А как насчет горячего утреннего секса?

– Инн! – в голосе мужа прозвучали плаксивые нотки. – Всю неделю пахал, как собака. Дай хоть в выходной отдохнуть.

– Заездился, – насмешливо сказала я.

– А то! Работать мозгами – это не кирпичи таскать. Это реально труднее. Во много-много раз. Я вообще мечтаю у станка постоять. Стоишь, работаешь себе, и мозги отдыхают. Только ручонки шевелятся.

– Не представляю тебя в костюме от Армани у станка. При всем желании хоть убей не могу.

– А ты попробуй. Вдруг получится.

Я хотела что-нибудь ляпнуть, но вовремя передумала. Володя так трепетно относился к своей работе, что не спустил бы мне насмешек по этому поводу. Ради мира в семье я промолчала и не стала давать волю своему остроумию. Твой

язык, как бритва, частенько морщился муж. Ты хоть иногда на людях сдерживайся, говорил он, не так ведь поймут.

– Значит, по-твоему, я должна слушать этот бред и молчать, – возражала я.

– Вообще-то да.

– Категорически не согласна.

– Свое мнение держи при себе, – сердился он.

Результатом наших споров стало то, что он все реже и реже брал меня на корпоративные праздники и вечеринки, считая, что я могу испортить «картинку». Первое время я обижалась, а потом махнула на это рукой. Не хочет, и пусть! Не надо! Мы люди гордые и валяться в ногах ни у кого не станем.

– Так как завтрак? – муж повернулся ко мне и провел рукой по моим волосам. – Сварганишь?

– Ноу проблем, – ответила я, подавляя вздох.

Я-то рассчитывала на другое.

Встав с кровати, я накинула на себя халат и пошла на кухню. В дверях – обернулась.

– Но вечером ты пощады от меня не жди.

– Разберемся, – усмехнулся муж.

Завтрак выходного дня состоял обычно из оладий. Муж обожал хорошо прожаренные оладьи с корочкой и мог умять их целую тарелку. Играючи и между делом. Со сметаной, с творогом, с любимым клубничным джемом. Когда на столе уже была горка оладий, на кухню заглянул муж. С ним при-

шла и наша кошка Диана, которую я называла Ди, а муж чаще всего Дашкой.

– Я смотрю, уже все готово.

– Осталась последняя порция.

Ни слова не говоря, Володя сел за стол и протянул руку к тарелке.

– Подожди! Дай хоть кофе сварить.

– Я сам заварю. Могу не побрезговать и простым растворимым.

Он ловко вскочил со стула и достал из колонки кофе.

– Голоден, как собака.

– Наверное, спал и пускал слюни, как собака Павлова.

– Точно. То-то мне снилось, что за мной кто-то бежит или я от кого-то убегаю, – ухмыльнулся он.

Аппетит моего мужа был поистине неисчерпаем. Он мог съесть какое угодно количество пищи, а через час снова захотеть есть. «Троглодит какой-то», – поддевала я его в первое время, когда мы поженились. И при этом он оставался поджарым, без грамма жира. «Тебе любая женщина обзавидуется, – говорила я. – Никаких диет. Трескаешь, что хочешь, и не жиреешь». – «Как ты, – мгновенно парировал муж. – Ты тоже не пышка». – «Ну да, – соглашалась я. – Мы два сапога пара, только я в отличие от тебя не ем, как лошадь». – «А ты рискни и посмотри, – смеялся он. – Вдруг тебя разнесет». – «Мне этого не надо», – отвечала я.

Моя покойная свекровь часто жаловалась мне на разбор-

чивость своего сына. Ел он очень избирательно – был большим привередой, и мне потребовалось время, чтобы разобраться в его кулинарных пристрастиях.

Володя заварил кофе и снова сел на вертящийся стул. Он слегка крутанулся на нем и сложил губы трубочкой.

– Только не свисти, – предупредила я его.

– Не собираюсь. Я просто размышляю.

– О чем?

– Что я сегодня должен сделать. Какие дела в первую очередь, а какие – во вторую.

– Опять, – простонала я, замахиваясь на него тряпкой. – Ты опять оставляешь меня на выходные одну. Где твоя совесть, Дымчатый?

Мужа, чья фамилия была Дымов, я часто звала Дымчатым. Не знаю почему, но в нашем доме это прозвище прижилось.

Он поднял вверх руки.

– Сдаюсь. Каюсь. Прошу прощения. Но – никак. – И для большей убедительности он провел рукой по шее. – Работы позарез. Ни продыхнуть, ни свалить в сторону. Рад бы сделать паузу, но не получается. Честное слово, Инка!

– А надо ли так много работать, Дымчатый, – тихо сказала я, садясь напротив. – Может, все-таки сделать паузу. Или взвалить часть дел на Марка. А? Может, ты пашешь, а он отлынивает.

Муж бросил на меня раздраженный взгляд. Все, что ка-

салось его первого заместителя Марка Калмановского, он воспринимал крайне болезненно и обидчиво. Я знала это и обычно не задевала Марка, но сегодня – не удержалась. Перспектива провести весь выходной в одиночестве вывела меня из себя.

– Марк! – обиженно прошипела я. – У тебя на первом месте всегда Марк!

– Не говори то, чего не понимаешь, – хмуро бросил муж. – Ты и сама об этом знаешь... – многозначительно добавил он.

Первые признаки настоящей семейной ссоры были налицо. Она темнела и набухала, как грозовая туча, которая медлит и оттягивает момент, прежде чем пролиться обильным дождем, не оставляя ни малейшего шанса на спасение. Обычно я старалась увилить или отходить в сторону, но сегодня меня несло куда-то и я не могла остановиться. Да и не хотела.

– Ты уже все выходные на работе, – патетически воскликнула я. – Ты уже просто женат на своей работе.

Диана-Ди учуяла нечто в воздухе и села на подоконник, пристально смотря то на меня, то на Володю. Какие же вы глупые, читалось в ее взгляде. Ссоритесь, выясняете отношения.

Только кошки могут так ненавязчиво и наглядно выразить свое презрение и снисходительность.

– Я никогда этого и не скрывал, – с убийственным сарказмом сказал муж.

И эта его ирония, его ухмылка меня и доконали.

Я взмахнула рукой и случайно(?) задела рукой тарелку с оладьями, и она взвилась в воздух со всем содержимым, и уже через пару секунд мы смотрели друг на друга разъяренные, а мой кулинарный труд валялся на полу.

– Сорри! – буркнула я.

Глаза мужа метали молнии. Он молчал, потому что в его лексиконе не осталось приличных слов для меня.

– Я не хотела. – И я прижала руки к груди. – Не знаю, что на меня нашло.

– Зато я знаю. – Градус иронии не сбавлялся. Напротив – он подскочил. – Ты ревнуешь меня к работе, ты ревнуешь меня к Марку. Была бы твоя воля, ты бы вконец рассорила меня с ним. Тебе не нравится моя жизнь, моя карьера. А все потому, что ты не нашла себя и сидишь дома в четырех стенах. Так и свихнуться недолго. И похоже, что... – и здесь я отвесила мужу звонкую пощечину. Ее звук оглушил меня, и я стояла, растерянная, несчастная. Во рту мгновенно стало горько и сухо. Я сглотнула.

– Прости...

Муж вдохнул воздуха и собирался заорать или разразиться убийственной тирадой, которая бы вконец расставила точки над «і» и доконала меня. Я предчувствовала это и втянула голову в плечи, как страус, который прячется от опасности. Но здесь откуда-то издалека раздался звонок. Он привел нас в чувство, и мы, замолчав, уставились друг на друга, словно

невидимая рука провела между нами дистанцию, и теперь мы пытались прийти в себя, остановившись у опасной черты.

– Твой мобильный! – напомнила я мужу. – Ты где его оставил?

– Слышу, – буркнул он. – Не глухой.

Он рванул из кухни, а я, присев на корточки, стала собирать оладыи с пола. Я свалила их в помойное ведро и только собиралась встать, как в дверях показался муж. Выражение его лица напугало меня. Таким он выглядел только однажды, когда сообщил мне о том, что его мать больна раком и ей осталось жить считанные месяцы, если не недели.

У меня неожиданно сел голос.

– Володя, что случилось? – прошептала я.

– Олю Юхневу убили. Из пистолета, когда она возвращалась вечером домой.

Ди спрыгнула с подоконника и пошла к двери, грациозно покачивая телом.

Оля Юхнева была одной из «незаменимых» в конторе моего мужа.

Я ахнула, прижав руки к груди, а потом разрыдалась. Муж бросил на меня напряженный взгляд и вышел из кухни, не сказав ни слова.

Ольгу Юхневу я видела несколько раз на корпоративных праздниках. Надо сказать, что нас с ней роднило стойкое отращение к подобным мероприятиям. Эта неприязнь была

написана у Юхневой на лице, впрочем, она и не особо старалась скрыть этот факт от коллег и других товарищей. Крепко сбитая брюнетка с коротким ежиком волос, крупными чертами лица и в очках с массивной оправой, Ольга была похожа на цепкого бульдога, который если уж схватит свою добычу, то ни за что ее не выпустит.

Мой муж, директор известной в Москве юридическо-консалтинговой фирмы «Норма» очень ценил Юхневу и называл ее мозговой элитой фирмы. К остальной элите он причислял, естественно, себя, Марка Калмановского, помощника Лешу Колокольцева и видного адвоката Баринаова Вадима Петровича, который сотрудничал с его фирмой.

Ольга Юхнева с легкой презрительной усмешкой на лице и сигаретой, словно прилипшей, точнее, впечатанной в ее пальцы, как в роза в волосы у киношно-оперной Кармен, всем своим видом демонстрировала полное презрение к окружающей обстановке и подобному времяпровождению. Бокал шампанского в ее руке смотрелся крайне неуместно в отличие от той же неизменной сигареты; она обычно выпивала его залпом и шла в курилку, чтобы поскорее отлепить от себя светские условности. Там, в курилке, я и столкнулась с Юхневой; она предложила сигарету, и я неожиданно согласилась, хотя знала, что Дымов терпеть не может, когда я курю. Но в Юхневой было что-то приятельски-располагающее, и жест, которым она предложила мне сигарету, и ее цепкий умный взгляд – все склоняло к совместному курению, похо-

жему на тайный ритуал сообщников.

Мы обменялись с ней всего парой ничего не значащих фраз, но у меня осталось впечатление от Юхневой, как от человека, с которым можно пойти в разведку. Сразу было видно, что человек она принципиальный, твердокаменный и в чем-то по-хорошему упертый. Такая не будет юлить или менять свои убеждения, как перчатки, в угоду моде.

На другой день муж с усмешкой сказал мне, что я понравилась Юхневой. Я замерла, ожидая разноса за курение, но Дымчатый неожиданно сказал:

– Я знаю, где вы пересеклись. Но шею мылить не стану. Ольга такая классная баба, и я ее так уважаю, что прощаю твое курение. И даже даю добро на дальнейшие сигареты. Ольга того стоит.

И вот теперь Ольга Юхнева убита, и этот факт никак не укладывался у меня в голове, настолько она казалась цепкой, жадной до жизни и работы, что ее смерть была, по моему мнению, скорее досадным упущением со стороны Ольги, чем свершившимся фактом.

Похороны Юхневой состоялись в среду. Потом были поминки, и мы все поехали к ней домой. Володя сказал, что фирма хотела снять ресторанный зал, но Ольгины мать и брат наотрез отказались от этой затеи и поминки будут проходить на квартире. При этих словах Дымчатый морщился как от зубной боли и все время поворачивался ко мне боком, как будто бы не хотел встречаться со мной взглядом и тща-

тельно избегал этого.

Глаза у него были покрасневшими, и это потрясло меня. Мой муж обладает нордическим характером, и вывести его из себя очень трудно. Только я обладаю этой привилегией, ну, может быть, еще пара-тройка человек.

В квартиру мы ввалились в составе десяти человек, делегированных от работы. Марк стоял с отрешенным видом, секретарь Кира Андреевна, женщина лет пятидесяти с небольшим, выглядела, наоборот, спокойно-сосредоточенно, остальные стояли с хмурыми лицами и старались поскорее пройти в комнату и рассесться за столом. Я понимала их. Стол создавал иллюзию некой защищенности; вроде бы ты при деле – исполняешь некий ритуал и поминаешь покойного. Тогда как топтанье в коридоре, выслушивание бессвязных восклицаний матери, отрывистых реплик брата заставляло нервничать и вздрагивать, словно от невидимых ударов, посылаемых со всех сторон. Я и сама чувствовала жуткую неловкость и ком в горле, когда мать Юхневой, Маргарита Васильевна, маленькая, седая, похожая на испуганную жалкую птичку, залилась слезами и замотала головой, раскачиваясь в разные стороны.

– Оля... Олечка! – захлебывалась она.

– Мама! – брат, долговязый молодой человек, взял ее за плечи. – Не надо. Люди...

Люди переминались с ноги на ногу, стараясь не смотреть друг на друга. И здесь мой муж шагнул вперед и обнял Мар-

гариту Васильевну, заключая ее в свои объятия. Она припала к его груди и замерла, захлебываясь в беззвучных рыданиях.

Дымчатый молчал, он не говорил банальные слова утешения, которые, как я обратила внимание, в большинстве случаев звучат фальшиво и неуместно, он просто поглаживал ее по плечу, и этот простой жест внезапно успокоил мать Юхневой. Она отпрянула и сказала приглушенным голосом, вытирая слезы кончиком черного платка:

– Спасибо, что пришли, Владимир Николаевич. Проходите в комнату.

Мы все прошли в комнату – небольшую, тесно заставленную мебелью, где уже были сдвинуты два стола и стояла пища: закуски, кутья, водка. Около длинного стола хлопотали две женщины лет сорока в черных платках и почти одинаковых темно-синих юбках.

– Это мои племянницы, – сказала Маргарита Васильевна. – Лида и Наташа.

Женщины кивнули, и мы сели за стол, скованные молчанием, слезами и страхом. У меня кусок не шел в горло. У остальных – тоже. И только шофер фирмы Игорь Степаныч налегал на красную рыбу и квашеную капусту, пока муж не остановил его красноречивым взглядом.

За столом говорились положенные речи, все вспоминали покойницу, ее принципиальность, высокий профессионализм, компетентность. Я сидела, не поднимая глаз, и чувствовала напряжение, исходившее от Дымчатого. Мне хоте-

лось поскорее оказаться дома, но в то же время я понимала, что должна сидеть здесь рядом с мужем и пройти все это вместе с ним. До конца.

Спустя некоторое время все немного расслабились. Женщины отправились на кухню, мужчины – покурить на лестничную площадку. Я маялась в комнате, пока не подумала, что могу пойти поискать мужа и переброситься с ним парой слов.

Дымова я нашла не сразу. Мужики, стоявшие на лестничной клетке, движением головы указали вверх, и я поняла, что муж с Марком забрались выше.

Они стояли на пятом этаже и тихо переговаривались друг с другом. Я старалась шагать бесшумно, сама не зная почему; все громкие звуки в этот день были неуместными, и поэтому я дошла почти до пятого этажа, когда услышала тихий разговор.

– Все документы исчезли. Ольга работала над этим делом день и ночь и частенько прихватывала работу на дом. – Это был голос мужа.

– Да уж! – выдохнул Марк.

– Ты думаешь, это дело Царькова?

– Не уверен.

Я застыла в нерешительности, не зная, что делать дальше: то ли идти, то ли стоять на месте, слушая то, что не предназначалось для других ушей.

Но все решил случай. Володя перегнулся через перила и

увидел меня. Я выдавила быструю мимолетную улыбку.

– Привет! Я решила пойти за тобой.

– Соскучилась, – ядовито поддел муж, сверля меня взглядом.

– Почти.

– Нашла? И что ты хотела?

Я перевела взгляд на Марка. Он стоял с трагическим видом, белокурый красавец, похожий на балетного артиста, сминая сигарету в руках и смотря куда-то поверх моей головы.

– Ничего я не хотела. Просто мне одной как-то не по себе.

– Иди. Я сейчас приду.

Я спустилась вниз и ощутила, как к горлу подкатывают слезы. Но я боялась разрыдаться и вызвать новый приступ слез у матери Юхневой, которая крепилась изо всех сил. И я не имела никакого морального права выводить ее из этого шаткого равновесия.

Разъезжались все в подавленном молчании. Володя сухо поблагодарил сотрудников за «моральную поддержку» и кивнул Игорю Степанычу, который сел за руль джипа и стал развозить безлошадных сотрудников фирмы по домам.

Прежде чем мы сели в Володин «Форд», он еще о чем-то переговорил с Марком. А потом быстрым размашистым шагом направился к машине.

– Поехали, – буркнул муж, взясь с зажиганием.

– И что говорит милиция насчет смерти Ольги?

Муж уставился на меня красноречивым взглядом. Как-то он назвал меня чемпионкой по задаванию неподходящих вопросов в неподходящее время. Кажется, сейчас был именно такой момент.

Я думала, что он вот-вот взорвется или просто пошлет меня к черту, но вместо этого он прищелкнул языком и бросил:
– Ничего.

Всю ночь шел снег, и по обе стороны дороги высились холмики сугробов: аккуратные, ровные. Стояли последние дни февраля, но складывалось впечатление, что на улице – глубокая зима. Часто шел снег, дул резкий холодный ветер и ничто не предвещало наступление весны.

– Жалко Ольгу, – выдавила я.

– Естественно! Она была классной бабой и суперпрофессионалом. Правда, у нее был единственный недостаток – дымила, как черт. Я ей пару раз даже на вид ставил. Да без толку. Как смолила, так и продолжала смолить. Я даже не представляю, как приду на работу, а Ольги – нет. – Володя мотнул головой: сердито, упрямо, как набычившийся пацан.

Машина тронулась, и здесь я заплакала. Сказались напряжение дня и усталость.

– Не реви! – хмуро бросил муж. – Мне от твоих соплей на воде еще хуже становится. Я весь день был, как заяц на батарейках. А сейчас все – сдох. Не трави меня, ради бога.

– О чем ты говоришь, – сказала я, вытирая слезы тыльной стороной ладони. – Я что тебе – робот? Не могу копить в

себе. Я и сама старалась не раскисать при матери. Это же видно, в каком она состоянии.

– Платка нет?

Я замотала головой.

– Возьми тогда салфетку из бардачка, леди!

– Сам джентльмен, – огрызнулась я. – При Марке ты обращался со мной как с рабыней. Постеснялся бы.

– Марк свой в доску.

Я хотела возразить, но промолчала. Лучше молчи, сказала я сама себе, стиснув зубы до боли – до сведения скул от напряжения, словно мне их перевязали тугой бечевкой, от этого ужасно болели лицевые мышцы.

– Слушай, я забыла тебя спросить: а почему не было Лешки Колокольцева. Твоего помощника?

– Он у нас впечатлительный малый и поэтому попросил не присутствовать ни на похоронах, ни на поминках. Я и разрешил.

Машина ползла едва-едва и наконец встала.

– Пробки, – выдохнул муж. Он нашарил в бардачке пачку сигарет и закурил.

– Ты же бросил.

– Отлепись. Ты видишь, что творится.

– У тебя неприятности на работе? – не нашла ничего лучшего брякнуть я.

Муж посмотрел на меня с лихо-озорным выражением в глазах.

– Вот за это я тебя и люблю. Как ляпнешь, так хоть стой, хоть падай. Ни убавить, ни прибавить. Я весь на нервах, а ты задаешь мне крайне идиотские вопросы.

– В крайне идиотских вопросах, как ты выражаешься, на самом деле нет ничего идиотского, – тихо возразила я. – Я – твоя жена и хочу быть в курсе всего. Разве это неправильно?

Машина тронулась с места, и Володя яростно потушил окурок в пепельнице, стоявшей около магнитолы.

– Когда я сочту нужным, – с тихой яростью сказал он, – я разрыдаюсь на твоём плече и орошу твою грудь слезами. А ты будешь целовать меня в лобик и говорить ласковые слова. Но не раньше.

Я невольно фыркнула.

– Впечатляющая картинка. Я так понимаю – мне остается только ждать.

– Угу! Ждать...

На языке у меня вертелся вопрос насчет подслушанного разговора мужа с Марком об Ольге и документах, которые исчезли. Но тогда муж окончательно превратится в радиоактивный реактор, и мне останется только открыть дверцу машины и бежать от него куда глаза глядят.

Мы приехали домой, и Ди вышла встречать нас в коридор – надменная, грациозная. Сиамская кошка с нежно-палевым окрасом; темными лапками и мордой, на которой пронзительно голубели большие глаза. Она сидела, молчаливая, как сфинкс, и смотрела на меня, не моргая.

Я схватила ее и прижала к себе.

– Ди! Ты соскучилась?

– Отпусти Дашку, – мгновенно отреагировал муж. – И не порти ее своими нежностями. Она и так чувствует себя принцессой, а вскоре с твоей помощью превратится во вдовствующую королеву – максимум амбиций и куча претензий. Тебе это надо?

– По-моему, это ты все портишь, а не я.

Володя схватил мою руку, и я невольно вскрикнула.

– Тебе не мешало бы держать себя в руках, а не распускать язык.

Я резко дернулась, но промолчала, сдерживая непрошенные слезы.

На следующий день после работы Дымчатый пришел такой мрачный, что все вопросы застряли у меня в горле, и я только и смогла выдать:

– Ужин ставить?

– Дурацкий вопрос. В этом доме я скоро стану окончательным идиотом, – пробормотал он.

– Не обязательно самому себе ставить диагноз. Для этого существуют врачи.

Мою реплику он оставил без внимания. Снятые ботинки демонстративно поставил посередине коридора, зная, как это меня всегда раздражает.

Я также демонстративно поставила ботинки в галошницу

и пошла на кухню.

– Побыстрее! – донеслось мне в спину.

Дымчатый наворачивал суп, потом умял котлеты и только за чашкой чая выдохнул:

– Я уезжаю завтра в командировку. В Питер. Рано утром.

– Один?

Он как-то странно дернулся.

– Нет. Беру с собой весь офис. Тебя такая постановка вопроса устраивает?

– Я просто спросила.

– А я просто ответил.

Я понимала, что после смерти Оли Юхневой нервы у него ходят ходуном, и поэтому сделала скидку на это состояние. Хотя вряд ли я могла спускать это хамство ему бесконечно.

Чемодан для командировок Володя обычно собирал сам и не подпускал меня к этому ответственному процессу и на пушечный выстрел. Он стойко верил, что я что-нибудь забуду или положу не ту вещь. Я и не разубеждала его в этом, зная, что бесполезно.

Сборы шли весь вечер. Он собирал чемодан в своем кабинете, время от времени выныривая в большую комнату и забирая оттуда то, что ему нужно. На меня он не обращал никакого внимания, словно я была посторонним существом, никак не относящимся ни к нему, ни к его сборам. Володя проходил мимо меня, насвистывал и делал вид, что жутко озабочен предстоящей командировкой и всем, что с ней свя-

зано.

Я смотрела на него, закусив губу. Постепенно во мне зрело бешенство. Дымов опять ускользал от меня в свои дела, командировку, мужской мир, куда вход мне был строго воспрещен. Он оставлял меня наедине со страхом, тревогой и одиночеством.

Я наблюдала за его сборами, чувствуя себя никчемной, ненужной и бестолковой, и от этого злилась на него еще больше. Леди Ди вертелась под ногами, и пару раз муж с раздражением прикрикнул на нее, что случилось не так уж часто.

– Забери Дашку! – крикнул он. – Она мне мешает.

– Сам забери, она все равно придет. Это же кошка, которая гуляет сама по себе.

– Она забралась в чемодан и лежит там. Она помнет мои вещи, – услышала я из кухни.

Дымов искал электрический чайник, без которого он никуда не ездил. Моя догадка оказалась верна, потому что через минуту я услышала грохот и громкие крики.

– Я ни черта не могу найти в этом доме! Где ты все прячешь?

– Чайник на третьей полке в колонке, – хладнокровно сказала я, выростая в дверях. – Если бы ты спросил меня...

– Если бы, если бы, – буркнул муж.

Я нашла чайник и дала его. Мои пальцы встретились с пальцами мужа. Его руки были ледяными, а мои горячими.

– Спать скоро ляжешь?

– Не знаю. Еще столько дел...

– Ты надолго едешь?

– Не знаю.

– А куда тебе столько вещей? У тебя что, бессрочная командировка?

– Я же говорю. Не знаю, – с раздражением сказал он. – Я что – непонятно сказал?

Я задержала вздох. А потом подошла и прижалась к нему.

– Володя! – его запах, его руки волновали меня. Мне захотелось ощутить тепло и силу его тела. Как когда-то...

Он медленно отстранился от меня.

– Я устал, малыш, сегодня не получится...

Я усмехнулась.

– У тебя кто-то есть? Почему мы все время откладываем этот разговор?

– Не глупи! У меня дикий цейтнот на работе. Да еще это убийство. Разговоры со следователем... Все эти обстоятельства доведут до ручки кого угодно.

– Я все понимаю. Но ты все время уходишь от меня, прячешься в свою раковину. Ты и поговорить-то толком не хочешь. Стоит мне настроиться на серьезный разговор, как ты начинаешь шутить или молчишь. Или просто посылаешь меня. Разве не так? Слушай, Дымчатый! – я рассмеялась и откинула голову назад. – А когда мы с тобой спали в последний раз? Ну, по-настоящему. Как мужчина и женщина. Ты пом-

нишь? Я что-то нет. Я чувствую, что ты избегаешь меня. А когда мы все-таки добираемся до постели, – издала я краткий смешок, – ты снисходишь до меня, как будто делаешь великую милость. Мне это надоело, понимаешь? На-до-е-ло.

– Опять? – Володя поморщился. Его лоб прорезала вертикальная морщинка. – Ты никак не можешь понять одну простую вещь. Я не семя-производитель. Я – бизнесмен. Руководитель фирмы. Не жиголо и не мальчик по вызову. Ты меня просто с кем-то путаешь.

– Ничуть. Я тебе сейчас кое-что принесу.

– Только побыстрее. У меня нет времени.

– Надолго я тебя не задержу.

Я ринулась в большую комнату и достала из тумбочки лист бумаги с числами, подчеркнутыми красным карандашом.

– Вот, – протянула я ему бумагу.

– Что это? Твои месячные?

– Дни, когда мы спали. Красные дни календаря. Даты, достойные памяти.

– Чушь! – он смял бумагу и точно рассчитанным броском отправил в мусорную корзину. – Большой чуши я не видел в своей жизни.

– Дымчатый! – я села на табуретку и заплакала. – Ты просто загубил мою жизнь.

– Какой пафос! Какие речи... Ну тогда... – и он замолчал. Слово «развод» не было произнесено, но оно подразуме-

мевалось. Оно витало между нами в воздухе, как шаровая молния, готовая испепелить в любой момент. Дымов стоял и ковырял носком тапка невидимую дырку в кофейно-коричневом линолеуме. Он смотрел себе под ноги с таким видом, словно там находился ответ на самые насущные вопросы.

Я повернулась и молча вышла из кухни. В большой комнате – гостиной я забралась с ногами в любимое кресло и сидела там, не зажигая света. Даже слез не было, настолько я была сердита на Дымчатого. Так бы и разорвала его на маленькие кусочки, а потом съела. Как величайшее лакомство. Эта мысль меня невольно развеселила.

И здесь в моей голове созрел план. Я давно хотела его осуществить, но все откладывала на потом. Сейчас был самый подходящий момент. Я уже ничего не теряла, а выиграть могла многое.

Я встала с кресла и зажгла ночник, висевший над нашей кроватью. Открыла гардероб и, засунув руку на полку, взяла оттуда красный кружевной комплект. Я купила его три месяца назад в универмаге, при этом долго присматривалась, вертела в руках, прежде чем решилась на эту покупку. Но тогда меня словно что-то подтолкнуло, и я, наконец взяв его в руки, направилась к кассе.

Дома я примерила купленное белье. Я была худощавой блондинкой, и красное мне шло, делало ярче, эффектней. Но вместе с тем на меня из зеркала словно смотрела другая женщина – более смелая и раскованная, чем я была в действи-

тельности. Я походила по квартире в этом кружевном белье, затем сняла его и, аккуратно сложив, отправила на полку.

Я помнила о нем, но как-то все не было случая продемонстрировать его Дымчатому, вечно занятому своей работой и делами. И вот, похоже, этот момент настал.

Я захватила комплект и пошла в ванную. Я знала, что Дымчатый рано или поздно придет туда. Он любил принимать душ и был еще тем чистюлей. Мои щеки горели, как будто бы я собиралась сделать что-то запретное. Я сидела в ванной на низкой табуретке и смотрела на кафельную стену. Да, наша жизнь дала крен, но я не была готова к разводу, более того, такая мысль даже не приходила мне в голову. Похоже, что она напугала и мужа. Или – нет? Я закусил губу и старалась изо всех сил не плакать. Только не плакать, только не распускать себя... Я решила не терять времени и принять ванну. Когда воды набралось больше половины, я залезла в ванну и сидела, прислушиваясь к звукам в квартире.

Я не знала: сколько я сидела так – вода уже стала остывать, и тут я услышала его шаги – быстрые, торопливые. Дымчатый не ходил по жизни, а летал, спешил, действовал. Я никогда не видела, чтобы он шел вразвалочку или медленным шагом – только весь порыв и безостановочное движение.

Я моментально вылезла из воды и обернулась полотенцем.

– Ты скоро? – спросил муж.

– Да... сейчас...

Я спешно облачалась в новый комплект, путаясь в крюч-

ках и петлях.

Я распахнула дверь и остановилась, замерла, пристально смотря на мужа. Я впиалась взглядом в его лицо, пытаюсь прочитать его реакцию, ощутить ее на собственной шкурке – спокойно и беспристрастно. Хотя какая тут, к черту, беспристрастность: меня знобило и трясло, как в лихорадке, и зуб на зуб не попадал...

Мы смотрели друг другу в глаза – безмолвный поединок, при котором наши взгляды скрещивались, как лазеры. И тут я почувствовала почти ликование. Его глаза – сонные, мутные, похожие на стоячую воду – внезапно распахнулись, и в них промелькнула острая искра желания. Яркая и мимолетная, но ее было достаточно, чтобы вспышка отозвалась во мне.

– Это что-то новенькое? – сказал он хриплым голосом.

– Дымчатый, – рассмеялась я тонким смехом. – Это ты просто ослеп и оглох на время. Ничего не видел и не замечал. Разве не так?

Он протянул ко мне руку. Она скользнула по шее, груди.

– Ты влажная... – прошептал он.

– Только что из ванны.

Мы по-прежнему стояли друг напротив друга. Внезапно Володя шагнул ко мне и притянул к себе.

– Ох, Инка! – выдохнул он. – Ну чего ты на меня куксишь-ся? А?

Его руки легли мне на бедра и слегка сжали их, и здесь

сладкая судорога вспорола мне позвоночник, и я отогнулась назад, запрокинув голову. Его теплые мягкие губы впечатались в шею. Он уткнулся мне в плечо, а потом поднял голову. В глазах мерцали насмешливые искорки.

– Инка! Ну ты и хитрюга... Весь этот маскарад...

– Ах, маскарад? – я гневно замахнулась на него. – Пошел тогда!..

Я не договорила. Его губы закрыли мне рот: властно, настойчиво. Они причинили мне физическую боль, и я уперлась руками в его грудь, собираясь его оттолкнуть. Я уже ощущала всю нелепость своей выходки и хотела выйти из игры, пока она не вступила в полную силу. Но не тут-то было.

Володя был сильнее меня. Невысокого роста, он регулярно накачивал мышцы, в кабинете лежала пара гантелей, он занимался плаванием и частенько заглядывал в тренажерный зал. Он был крепким, поджарым, и мое сопротивление было сломлено в зародыше. Мои руки сложились, как у послушной куклы, и я услышала тихое, едва различимое:

– Так-то лучше!

Он взял меня за руку и, резко дернув, потащил, поволок в гостиную. Он тащил меня, как добычу, захваченную на поле боя, как пират – свою пленницу и с каждым рывком я чувствовала, как тают мои силы и желание захлестывает меня, подступая к горлу.

Сдавленный крик вырвался из горла, когда муж швырнул меня на не разобранный кровать и вся одежда слетела с меня,

словно от одного щелчка его пальцев.

Горел ночник, который я забыла выключить, и в этом слабом неровном свете я видела яростный блеск в глазах мужа, его плотно сжатые губы; подрагивающие желваки... Он был натянут как струна. А я... напротив – каждая клеточка моего тела была расслаблена, размягчена, словно мне сделали чудодейственный массаж, после которого я чувствовала себя отдохнувшей и помолодевшей.

Я медленно закрыла глаза; точнее, они закрылись сами... Губы были сухими и горячими. Я обхватила мужа крепче руками. Его плоть быстро двигалась во мне; руки скользили по его спине. Вспышка-судорога пробежала по моему телу, и в ответ Дымчатый зарычал. Волна накрыла нас одновременно, и мы какое-то время еще лежали, не размыкая объятий, прильнув друг к другу. По моему лицу растеклась блаженная улыбка.

Наконец Дымчатый резко выдохнул и встал. Я открыла глаза.

– Секс-гимнастика перед отплытием капитана дальнего плавания. Впечатляет.

Я еще по инерции продолжала улыбаться. Но потом улыбка медленно сползла с моего лица. Что бы я ни делала – отношение мужа ко мне оставалось неизменно – насмешливо-ироничным. Словно он не воспринимал меня всерьез, и я была для него скорее отвлеченно-абстрактным объектом, чем реальным живым человеком. И сознание того, что в ду-

ше он сейчас потешается надо мной – над моей попыткой сделать наши отношения нормально-супружескими, над тем, что я соблазнила его, как шлюха из стриптиз-клуба, убивало меня наповал. И наверняка в разговоре с Марком он расскажет ему с привычной ухмылкой: «А моя-то совсем сбрендила – красный комплект нацепила и давай вертеть передо мной задницей, чтобы я клюнул на ее прелести. Представляешь?» А Марк зальется смехом, запрокинув голову, как он это обычно делает, и отпустит пару соленых шуточек.

Я просто набитая дура, что устроила этот маскарад. Господи, и где были мои мозги, когда эта хреновая мысль пришла мне в голову? Я готова была разорвать себя на куски за то чувство стыда и позора, которое я сейчас испытывала.

– Ды-ы-ымчатый! – зарыдала я в подушку. – Но какая же ты скотина!

Он вылетел из ванной, услышав мои вопли.

– А... женская истерика! – и, махнув рукой, ушел обратно в ванную.

Уснули мы порознь. Вечер все-таки закончился скандалом. Дымчатый орал, что у него неприятности по работе плюс его сотрудница убита, а это, согласись, случается не каждый день, ядовито прибавил он. А тут я со своими воплями и слезами. Я могу хоть раз в жизни проявить сочувствие и понимание и не приставать к нему – оставить мужика в покое.

От его слов я рыдала еще больше. В ответ я кричала, что

это он никогда не понимал меня. Я стала для него предметом мебели. Я чувствую себя каким-то жалким придатком к его жизни – бесконечно далекой от меня.

Дымчатый меня не слушал. Он вошел в раж и, размахивая руками, орал, что я создаю в доме ненормальную обстановку, и он не может сосредоточиться на предстоящей командировке.

Заливаясь слезами, я чувствовала себя жалкой и глупой бабой при умном и деловом мужике.

Дымчатый посмотрел на часы в гостиной и ахнул.

– Слушай! Мне спать осталось всего несколько часов, а ты тут со своими концертами на душу капаешь. Совесть у тебя есть или нет?

– Кто бы говорил о совести.

Дымчатый вышел из гостиной, и я услышала, как он громыхал, что-то снимая с антресолей. Оказалось, это была раскладушка.

Он пронес ее в кабинет и демонстративно хлопнул дверью.

Я зарылась в подушку и подумала, что мы оба перегнули палку.

Спала я чутким сном и поэтому услышала утром, как вскочил Дымчатый и понесся в ванную.

Я встала и, накинув халат, поплелась в кухню. Столкнувшись со мной, муж напустил на себя такой вид, словно встретился с привидением. Я попыталась сделать первый шаг к

примирению. Я всегда чувствовала себя кошмарно-ужасно, когда мы ссорились, а сегодня он уезжал в командировку – и расставаться с нахмуренными бровями мне не хотелось.

– Завтрак приготовить?

– Завтрак? – и язвительная ухмылка обрисовалась на его лице. – Н-нет. Я уже сыт по горло и завтраками, и обедами, а также скандалами и истериками. Дай человеку спокойно выйти из дома. Я не валяться на пляже еду, а работать, между прочим. Очень жаль, что некоторые этого не понимают.

– Как хочешь, – сказала я и повернулась к нему спиной. Валяться в ногах и вымаливать у него прощение непонятно за что я не стану, это точно!

Я сидела в гостиной, и каждый звук четко отдавался в моем мозгу. Я могла безошибочно воссоздать маршрут перемещений мужа по квартире. После кухни он рванул в кабинет – забрать собранный чемодан. Потом с полки в коридоре он снял кейс – знакомое шуршание.

В коридоре с шумом надевал ботинки и снимал с вешалки куртку. Вот он открыл дверь и...

– Пока! – услышала я.

И дверь с невообразимым грохотом закрылась. Все! Уехал.

Целый день я занималась домашними делами. Уборка, стирка, готовка всегда были для меня лучшей терапией. Занимаясь этими делами, я могла не думать о своих проблемах. Правда, выкинуть их из головы до конца не удавалось,

но в качестве отвлекающего маневра эта кухонно-уборочная терапия подходила.

Но в этот раз не помогало ничего – я вспоминала злополучный вечер перед командировкой, не менее злополучное соблазнение собственного мужа, и приходила к выводу, что еще никогда наши отношения не находились на столь угрожающе низкой отметке.

Диана, чувствуя мое состояние, постоянно вертелась рядом и пыталась выразить поддержку и сочувствие на своем кошачьем языке. Она то и дело запрыгивала на колени и требовала, чтобы я ее гладила, но мои нервы были на пределе и пару раз я спихнула кошку с колен, чем заслужила ее величайшее неодобрение.

С царственным видом, ни разу не обернувшись, Леди Ди ушла от меня, подрагивая всем своим позвоночником, и судорога, проходившая от холки до хвоста, показывала, как же она возмущена моим поведением.

День пролетел бестолково и незаметно. Я играла в образцово-показательную хозяйку (правда, непонятно – для кого?). И к вечеру, измученная уборкой, с мазохистским упорством, достойным лучшего применения, я протерла тряпкой все предметы, добралась до каждого уголка квартиры и перестирала кучу белья, – я вдруг поняла, что страшно устала, настроение стало еще хуже, чем утром, и вообще я все делаю неправильно и зря.

Муж так и не позвонил. Ни разу. Хотя обычно он звонил и

говорил: «Все в порядке. Разговаривать долго не могу. Дела. Но ты не беспокойся – я цел и здоров. И тебе желаю того же».

Несколько раз моя рука тянулась к телефону, но потом возвращалась к исходному положению. Я не могла переломить свою гордость и позвонить первой. Ну никак не могла. Хотя понимала, что это глупо. Но пересилить свой характер не получалось.

Я легла спать, но сна не было ни в одном глазу, и я прибегла к испытанному средству – рюмочке коньяка. Когда Дымчатый отсутствовал или его долго не было, я начинала нервничать и тогда доставала заветный бутылек, выпивала рюмочку, а перед приходом мужа тщательно чистила зубы или жевала кружок лимона, чтобы вытравить запах.

Сейчас можно было этого не опасаться, и я, выпив рюмку, почувствовала, что меня опять тянет плакать.

В постели я поплакала, зарывшись в подушку, и так незаметно уснула, проклиная себя, Дымчатого и наши непримиримо-взрывные характеры.

Проснулась я от телефонного звонка. Я засекала слабое треньканье телефона сквозь сон и, резко подняв голову от подушки, прислушалась. Через несколько секунд сомнения окончательно рассеялись, и я, откинув одеяло, побежала на кухню. Радиотрубка стояла там же на подзарядке.

– Алло! – сорвала я трубку телефона. – Алло!

Ничего не было слышно, и я уже собиралась нажать на

отбой, как услышала знакомое:

– Инна! – голос был слаб, и слышно его было едва-едва.

– Володя? – переспросила я. Похоже, что муж здорово где-то повеселился и теперь звонил мне в нетрезвом состоянии, как это иногда бывало. Он звонил и болтал всякие глупости или признавался в любви. Как будто бы такие слова можно сказать, только когда море по колено и терять нечего. А в остальное время – негласный запрет и никаких муси-пуси, словно это – проявление слабости и бесхарактерности.

– Инна! Я здорово сваял дурака. Я ошибся... – И снова молчание.

– Да! – уже раздраженно сказала я.

Но на том конце раздалась частые гудки.

Я в недоумении повертела трубку и положила ее на рычаг.

Муж был в командировке. В Питере. И позвонил мне после очередного сабантуя или фуршета, как это частенько бывало, когда он сообщал дурашливым тоном, что «он перебрал и чувствует себя отвратно» или «Инна, ты там спишь, а я – здесь в холодной одинокой постели», при этом делались многозначительные паузы и явно намекалось, что он там не один, и постель его не холодная... Он любил меня подразнить, довести до белого каления, а потом сказать «ну я пошутил, тебе уже сказать ничего нельзя». И за это я злилась на него еще больше.

Но иногда я слышала и другое: «Инка, я тебя люблю и любил всегда. Инка, что бы ни говорили про меня, ты моя

единственная женщина. Инка!» В такие минуты в его голосе звенел накал, и я скептически улыбалась, хотя в носу щипало, и я крепилась изо всех сил, чтобы не заплакать и не показать перед ним свою слабость. Слабых людей Володя не любил, они вызывали в нем чувство брезгливости. Я знала это и всегда держала марку сильной женщины. Но когда я слышала: «Инка – ты лучшее, что у меня есть в этой жизни!», мне хотелось рыдать во весь голос, потому что в обычной жизни и в обычном состоянии я таких слов не слышала от него. Никогда.

Я провела рукой по спутанным волосам; сон уже слетел. Машинально я посмотрела на часы. Три часа ночи. Хорошо же он перебрал, раз позвонил в такое время... а вдруг с ним что-то случилось: уж больно жалостливый был голос и не похожий на обычный бодро-победительный тон моего мужа. Надо бы связаться с Питером и все выяснить. Но время позднее и неподходящее. Хотя почему бы и нет? Раз он позвонил сам.

Я взяла из сумки в коридоре сотовый и набрала номер мужа. Там раздались гудки, а потом – щелчок, и я услышала: «Абонент временно недоступен». Что за черт! Я прошла в комнату и с раздражением бросила мобильный на кровать, затем пошла в кухню – заварить чай.

Леди Ди проснулась и запрыгнула на подоконник, смотря на меня своими голубыми глазами.

– Ди! – позвала я ее. – Иди сюда. – Но она проигнорирова-

ла меня и по-прежнему сидела на подоконнике, как застывшая египетская статуэтка.

– Ди! Как же мне хреново.

Я провела рукой по волосам и нахмурилась. Мне не нравился этот звонок, не нравился этот тон. Хотя от Дымчатого можно было ожидать всего, но это было не в его духе – позвонить и пожаловаться. Вот подколоть, уязвить, поддеть, размазать по стенке, это – пожалуйста. Это в любой момент, здесь даже не требовалось никаких предварительных расшаркиваний. Здесь мой муж был, как пионер – всегда готов.

Леди Ди запрыгнула в раковину. Она хотела пить. Кошка терпеть не могла воду в мисочке и признавала только свежую – из-под крана.

Я открыла кран; вода полилась тоненькой струйкой, и Диана принялась жадно лакать ее, высовывая маленький розовый язычок.

Включив электрический чайник, я села на табуретку и обхватила себя руками: меня знобило.

– Дашка! – громким шепотом сказала я. – Мне кажется, что-то случилось.

Утро выдалось беспросветно-серое. Февраль – не лучший месяц. Он наваливается усталостью и депрессией, оупением от долгой зимы и тяжелого неба, которое давит на тебя так, словно ты находишься в длинном туннеле, где нет никакого просвета и у тебя нет ни малейшего шанса выбраться из него.

Я не любила зиму, не любила февраль и буквально считала дни до весны и лета. По-настоящему весна для меня начиналась в мае, когда воздух был уж по-летнему ясен и сух и не пах сыростью, как в марте. И каждый раз для меня было главным пережить еще одну долгую зиму и дождаться лета.

И когда рядом не было Дымчатого, все это переживалось, точнее, проживалось, намного, намного трудней...

Как только я встала, раздался телефонный звонок. События прошедшей ночи моментально промелькнули в голове, и я подумала: Володя! Он звонит, чтобы извиниться за вчерашнее и сказать что-то типа: «Малыш! Я немного перебрал, не обращай на это внимания! Как твои дела? Скоро приеду. Жди».

Но звонил не Дымчатый. Звонили из фирмы «Омега-плюс», которая занималась проведением Интернета в нашем районе. Они звонили уже несколько раз, предлагая свои услуги. Каждый раз я говорила: спасибо – не надо, Интернет у нас уже есть, они слушали меня вежливо-внимательно и каждый раз просили записать телефон и прибавляли: подумайте, пожалуйста, над нашим предложением, мы будем рады видеть вас в числе наших клиентов.

– Я, кажется, вам уже говорила, Интернет у нас уже есть. И ваши услуги мне не нужны, – говорила я, четко выговаривая слова, как будто бы на том конце могли меня неправильно понять.

– Да-да, – привычно прошептала девушка в трубке. На

секунду я представила ее: лет двадцать, птичья головка, ост-ренькие черты лица, сидит, как воробей на жердочке, и пред-лагает людям свои услуги. Даже если они им и не нужны.

– Я вас прошу! – заорала я. Больше мне не звони-те-е-е-е. Я подам на вас в суд!

На том конце возникло молчание. Наверное, я была пер-вым клиентом, пригрозившим судом. Воробей свалился с ветки, подумала я, и находится в коме.

Я первой положила трубку и сделала глубокий вздох. Ин-на, успокойся, сказала я себе. Я тебя умоляю.

Я снова набрала номер мужа. Он не отвечал. Внутри меня рождалась паника: она росла, как на дрожжах, и готова была уже поглотить меня целиком.

Дымчатый не в командировке. Он – исчез! Оставалось од-но – звонить в офис. Там-то уж мне скажут, где он и что с ним. Кира Андреевна, бессменная секретарша Володиной фирмы, в течение вот уже пятнадцати лет была в курсе всех дел. Я не часто бывала у Володи на работе; он запрещал мне вмешиваться в свои дела, светиться в офисе... Но я иногда бывала на вечеринках, где чувствовала себя ужасно чужой, но старалась влиться в общую струю и поддержать веселье. Это были корпоративные праздники, на которых все сотруд-ники бывали с семьями. Приходилось одевать вечерние пла-тья, что я терпеть не могла. Моей привычной одеждой были джинсы и джемпера. Или джинсы и футболки – летом.

На этих празднествах неизменно предводительствовали

мой муж и Марк Калмановский, второе лицо фирмы: весельчак, балагур, носивший статус вечного холостяка после своего развода, состоявшегося семь лет назад. Его жена с дочерью уехали в Америку, и Марк поклялся больше никогда не вступать в брак, о чем со смехом поведал мне Дымчатый. Он говорит, что это – ловушка для настоящего мужчины: вся эта несвобода, обязательства, истерики, скука... Ты тоже так считаешь, прервала я его. О чем ты, сразу замкнулся муж, я говорил о *Марке*. А я спрашиваю о *тебе*. Конечно, я так не думаю. Иначе бы не женился...

Разговор был прекращен. Но неприятный осадок остался; он был, как легкая нерастворимая взвесь, которая лежит на дне стакана; но стоит взбаламутить жидкость, и она поднимается вверх...

Марка я не любила. Он меня – тоже. Он относился ко мне с внешней почтительностью, за которой скрывались насмешливость и небрежность. Наверняка Марк был в курсе всех шашней Дымчатого. Я подозревала, что между ними было негласное соперничество. Кто кого переплюнет. Это были два приятеля, связанные общим досугом, – мальчишниками по пятницам, женщинами на одну ночь и долгоиграющими любовницами; это были двое мужчин, любивших хорошую выпивку, веселые анекдоты, легкое отношение к жизни, при котором кажется, что все плохое может случиться с кем-то, но только не с тобой. Они и по жизни шагали легко, перепрыгивая через препятствия, не обращая ни на кого и ни

на что внимания, руководствуясь исключительно собственной выгодой и расчетом. Часто, особенно в последнее время, я думала, что являюсь для мужа надоевшим балластом. Типичным чемоданом без ручки – нести неудобно, выкинуть жалко. И что достаточно какого-то толчка или случая, и наш брак рухнет, как колосс на глиняных ногах – такой солидный внешне и абсолютно трухлявый внутри.

Есть браки, где связующим звеном служит секс: пусть и по-супружески надоевший, но тем не менее – спокойно-стабильный, незыблемый, как тапочки на своем месте или борщ по выходным. Но у нас не было и этого. Или почти не было. Секс, как обмелевшая речушка, постепенно сходил на нет. Когда я, лежа в постели, прижималась к Дымчатому и протягивала к нему руки, он обычно улыбался, трепал меня по волосам и говорил своим неподражаемым хриплым голосом: «Малыш, я так устал. Давай в другой раз...»

Его любимый жест, который все больше меня раздражал: так гладят собаку или кошку в надежде, что она скорее отвяжется. Он поворачивался ко мне спиной и мгновенно засыпал. А я еще долго лежала и смотрела на его спину, которую я ненавидела в эту минуту – такую холодно-равнодушную спину. И поэтому иногда я бунтовала: огрызалась, когда он просил меня скорее дать ему ужин, или отказывалась идти на вечеринку в платье; напяливала свои старые джинсы и невзрачный свитер и шла в таком виде. Он скрипел зубами, но терпел. Ему не хотелось семейного скандала. Я уже давно

поняла, что мой муж больше всего на свете ненавидит скандалы и выяснения отношений. Он лучше промолчит, проглотит, но не выйдет из себя и не выплеснет накопившиеся эмоции. Хотя наша последняя ссора доказывала обратное. Но здесь мы оба хватанули через край.

И вот теперь мне надо было идти в офис, к Кире Андреевне, которая ко мне относилась вежливо-равнодушно, с едва уловимой снисходительностью, как и все сотрудники в офисе, которые считали, что я окрутила «такого красивого мужика» и теперь он мается со мной, белесой дылдой, не получая от брака никакого удовольствия. У нас и детей-то нет. Я читала такие мысли в глазах сотрудников и внутренне съеживалась, а внешне – распрямляла спину и поднимала вверх подбородок. В такие минуты муж называл меня германской девой-воительницей и еще «валькирией». Я действительно была похожа на шведку или немку: светлые, почти белые волосы, матово-белая кожа, светло-зеленые глаза; лицо четкой лепки: нос немного великоват, губы тоже четкие, изогнутые, на теле ни грамма жира, фигура скорее мальчишеская: ни округлых бедер, ни пышной груди, ни выраженной талии. Спортивная аскетичная фигура.

Я выпила вторую чашку кофе: черного, как деготь, и накормила Леди Ди. Потом оделась, причесала волосы и посмотрела на себя в зеркало. Бледное лицо, под глазами – синие тени. Я потерла их руками. Теперь под глазами стала видна краснота. Я замазала круги тональным кремом – ста-

ло лучше.

Кошка вертелась под ногами. Я стянула с вешалки куртку и намотала в два слоя шарф. Толстый шарф грубой вязки. Я сама связала его: это был мой любимый шарф – трехцветный, яркий. Розово-сине-бирюзовый. Триколор, называл его Дымчатый.

В довершение я одела ботинки на толстой подошве. Дымчатый часто предлагал мне купить шубу или полушубок и сапоги на каблуке, но я отказывалась.

– Почему ты ходишь, как пугало, – иногда сердился он.

– Потому что мне так нравится.

– А мне – нет.

– В шубе я буду выглядеть нелепо.

– Ты же не пробовала?

– И не хочу, – огрызалась я.

– Странная женщина, – бормотал Володя, пожимая плечами. – Все бабы клячат у мужиков шубы, а тебе подавай облезлую куртку.

Я молчала. Дело было в том, что однажды я померила шубу. Зрелище вышло жалкое: шуба была сама по себе, я – сама по себе. Вроде селедки с сахаром. Может быть, кому-то и нравится, а мне – нет.

Я замоталась в шарф и, схватив в последний момент большую черную сумку, вышла из квартиры.

Ди метнулась к двери, но я ловко захлопнула ее перед самым носом кошки.

На улице ветер ударил мне в лицо снегом. Мело уже с утра. Сейчас порывы ветра усилились, и я шла до гаража вприпрыжку, часто поворачиваясь к ветру спиной.

Черный джип завелся не сразу, я сидела и ждала. Чтобы не терять времени, я снова позвонила мужу. Но «абонент был недоступен».

У меня был постоянный пропуск. Я показала его охраннику, и он кивнул, пропуская меня. Приемная Володи находилась на втором этаже. Я шла по ковролину в грубых башмаках и ощущала, как я не соответствую этому месту: по коридору должны порхать девушки на тонких каблучках-шпильках или женщины в изящных туфлях. Когда я распахнула дверь в приемную, Кира Андреевна, оторвавшись от компьютера, посмотрела на меня и не сразу сообразила: кто перед ней. Но через секунду в глазах мелькнуло узнавание, и она механически улыбнулась.

– Здравствуйте, Инна Викторовна!

– Добрый день! – пробормотала я.

Шарф по-прежнему был обмотан вокруг шеи и кололся, а с ботинок капала вода, но я стояла и смотрела на нее, пока она, спохватившись, не сказала:

– Раздевайтесь, пожалуйста. Вешалка в углу.

– Да я, собственно говоря, на секунду. – Здесь я запнулась, а потом выпалила: – Мой муж в командировке?

– Владимир Николаевич находится в командировке в

Санкт-Петербурге, – отчеканила Кира Андреевна, не глядя на меня.

Я подумала, что теперь про меня в офисе будут слагать анекдоты. Жена не знает, где муж. Просто умора. Инна Викторовна Дымова, про которую скоро сочинят байки.

– Я знаю. Но...

– Что «но»?

– Я звоню ему на сотовый, а он не подходит.

Кира Андреевна пожала плечами, как будто бы это была типично семейная ситуация, которая ее никак не касалась. Впрочем, так оно и было.

– Ничего не могу сказать по этому поводу.

Наконец я присела на диван в приемной, и вокруг моих ботинок мгновенно образовалась лужица воды.

Зазвонил телефон.

– Простите! – бросила в пустоту Кира Андреевна.

Я сидела и лихорадочно обдумывала ситуацию. Самое разумное – встать и уйти. Мне дали ясно понять, что Дымчатый – в командировке. А все остальное – наши семейные разборки, которые не имеют никакого отношения к фирме.

– Марк у себя? – кивнула я на соседнюю дверь.

– Марк Игоревич будет через час, – сказала Кира Андреевна, сосредоточенно смотря на экран компьютера. – Не раньше, – прибавила она.

– Можно кофе? – неожиданно попросила я. Мне не хотелось идти домой; здесь я могла что-то узнать о Дымчатом.

А дома меня никто не ждал, кроме Леди Ди. А я не могла быть долго в пустой квартире: меня охватывала нечеловеческая тоска. А здесь я сижу с Кирой Андреевной, хотя я для нее – пустое место.

– Одну минуту.

Она встала со стула, ловким движением достала из шкафчика чашку и включила электрический чайник.

И здесь еще издали я услышала громогласный веселый смех и голос Марка Калмановского, и увидела, как изменилась в лице Кира Андреевна. Она хотела обмануть меня и выпроводить из офиса, ей не хотелось, чтобы я торчала здесь и разговаривала с Марком. Я метнула на Киру Андреевну ледяной взгляд и выпрямилась.

– Марк Игоревич вернулся раньше, чем предполагал, – объяснила секретарь.

Я даже не удостоила ее ответа.

Марк распахнул дверь, и сразу все пространство заполнилось им: высокий блондин с красивым породистым лицом: нос с легкой горбинкой и светлые голубые глаза, чувственные губы, капризно изогнутые в вечной усмешке. Марк чем-то напоминал древнеримских патрициев, какими их изображали в исторических киносагах. Он был в распахнутой на груди длинной светло-бежевой дубленке. Там, где Марк, там всегда были женщины. Так было и сейчас. Его сопровождали две рыбки-прилипалы: одна совсем молоденькая, слишком молоденькая, чтобы знать о всех подводных камнях отноше-

ний с противоположным полом, и другая, грудастая, высокая, с бумагами в руках.

– Марк! Здесь документы, – она махала ими в воздухе. – Нужно срочно подписать.

– Я понял, но он мне говорит... – дальше следовала фраза, которая мне мало что объясняла, но обе дамы залились смехом. Молоденькая – высоким и тонким, как будто бы она задыхалась от щекотки, а вторая – громким, с раскатистыми руладами. Сам Марк смеялся глазами, смеялся губами. Его смех был опасно-соблазнительным, таким опасным, что это почувствовала даже я – человек, на которого чары Марка абсолютно не действовали.

Вначале меня никто не заметил: я, ссутулившись, сидела в углу дивана и молчала. Внезапно взгляд Марка упал на меня, и Марк остановился посередине приемной, споткнувшись. Общее веселье смолкло, как по команде. Возникли неловкость и тяжелое молчание.

– А это Инна Викторовна дожидается вас, – обратилась к нему Кира Андреевна.

– Меня? – на секунду Марк удивился, а потом быстро оправился и сказал насмешливо-тягучим голосом: – Ну тогда прошу в кабинет.

Две прилипалы осматривали меня цепкими взглядами. Грудастая, очевидно, была наслышана о «серой мышке» – жене Дымова Владимира Николаевича, и в ее взгляде отразилась откровенная насмешка: я сидела в черной куртке,

трехцветном шарфе и тяжелых ботинках, которые с удовольствием носят подростки. Вторая меня раньше не видела; она была новенькой, и в ее взгляде читалось любопытство, смешанное с презрением.

Я подняла вверх голову и встала.

– Вы... разденьтесь, Инна Викторовна, – предложил Марк. И не дожидаясь моего ответа, подскочил ко мне.

Я сняла куртку, которую Марк повесил на вешалку в углу.

– Прошу! – несколько груссирюя, сказал Марк и распахнул дверь в свой кабинет.

Он шел сзади, на ходу скидывая дубленку.

– Как-то все это неожиданно, Инна! Что-то случилось? – самым любезным тоном осведомился он.

Я молчала. Честно говоря, не знала, с чего начать. Мой муж не отвечал на звонки полдня. Может быть, я сумасшедшая, что подняла эту панику и примчалась к нему в офис? Может быть, зря я подняла эту бучу? И как отнесется ко мне Марк, когда я изложу свои опасения? Как к чокнутой бабе? Тем более он меня и раньше недолюбливал...

– Сядьте! – учтиво сказал Марк, придвигая стул к своему столу. Я села, сцепив руки на коленях.

Он опустился в вертящееся кресло и слегка крутанулся в нем.

– Итак, что привело вас ко мне?

– Володя... не отвечает на мои звонки, – вырвалось у меня.

Брови Марка насмешливо взлетели вверх.

– Ну, Инна! Он занятый человек. Мало ли что... Он находится в Питере по важному делу: подписание многообещающего контракта. Вполне возможно, что он занят, и поэтому вырубил свой сотовый.

У Марка зазвонил телефон.

– Извините, – бросил он мне.

– Да... – услышала я... – Конечно, договорились – в пять.

Поговорив еще несколько минут, он повесил трубку и повернулся ко мне.

– Я не очень понял, Инна! В чем причина вашего беспокойства?

В глазах Марка я выглядела явной дурой. Это было видно по тому взгляду, которым он окидывал меня: начиная с моих грубых ботинок на тракторной подошве и кончая спутанными белесыми волосами. Любитель женщин и тонкий ценитель дамской красоты Марк Калмановский изо всех сил старался быть со мной любезным и галантным. Но боюсь, что получалось это у него плохо, как он ни старался.

– Просто Володя находится «вне зоны доступа», – отчеканила я. – Надеюсь, причина моего беспокойства понятна?

– Не совсем. Я же говорю: Володя – занятый человек, бизнесмен. У него дела...

– Но раньше я могла с ним связаться. Без проблем.

– Инна, – он запнулся. – Давайте договоримся так. Я попробую сам связаться с ним. И позвоню вам. Вечером.

– А почему не сейчас?

– Что – сейчас? – на лице Марка появилось раздраженное выражение.

– Попробуйте связаться с ним сейчас. При мне.

На лице хозяина кабинета возникло легкое замешательство. Он быстро поглядел на часы и улыбнулся.

– Боюсь, что это невозможно. Владимир сейчас находится на переговорах. Как раз в это время, – и для большей убедительности Марк постучал по часам.

Я по-прежнему сидела и смотрела на Марка. Я не хотела говорить ему о ночном звонке: это было наше, семейное. Но уходить вот так я не желала, хотя понимала, что чем больше сижу, тем больше Марк раздражается, не зная, что со мной делать. Не выпроваживать же меня из кабинета!..

В кабинет вплыла Кира Андреевна.

– Ваш кофе, – обратилась она ко мне. Передо мной мелькнула рука с аккуратно подстриженными ногтями.

– Спасибо.

Поставив чашку с кофе, она ушла, а Марк откинулся в кресле, словно в изнеможении, и посмотрел на меня.

– Устал! – доверительно сообщил он мне. – Да еще погода бр-р... В Питере еще хуже... сплошные снежные заносы. – Он подался вперед. – Закажу-ка я тоже кофе.

Он позвонил по селектору.

– Кира Андреевна, можно мне кофе?

Я пила медленными глотками. Я не знала, почему я так

часто действовала людям на нервы. Может быть, дело в том, что я редко считалась с условностями, не любила никому подыгрывать и обычно говорила то, что думаю. Это качество жутко раздражало Володю: «Ну, ты могла бы промолчать! – взвивался он. – Кто тебя просит лезть вперед? Инна! Ты совершенно невыносима». – «Да, – соглашалась я. – Невыносима».

В кабинет вторично вплыла секретарь. Чашка с кофе перекочевала с подноса на стол Марка.

– Ваш кофе, – объявила она, как управляющий пятизвездочным отелем.

– Благодарю, – пробормотал Марк. – Продрог, как собака.

Я пила кофе и разглядывала Марка. Я его не любила, а вот для Дымчатого он был первым приятелем. И я никогда не могла высказывать свою критику в адрес Марка. Марк для него был почти святой. Они с Марком были знакомы вот уже лет двадцать, Володя привык во всем полагаться на него, и когда встал вопрос о создании фирмы, то кто будет компаньоном – вопросов не возникало. Только Марк! Однажды я с раздражением сказала мужу: у меня такое впечатление, что если бы тебе пришлось выбирать между мной и Марком, то я бы проиграла. Муж схватил меня за руку: «Никогда, слышишь, не говори так». – «Марк – это... святое», – подхватила я. Больше на эту тему мы не говорили, но моя неприязнь к Марку после этого только усилилась. Вероятно, я была к нему несправедлива. Вероятно, моя антипатия базировалась

на том, что к нему муж прислушивался больше, чем ко мне. Кроме того, однажды сразу после свадьбы я подслушала их разговор.

– Слушай, старик, – со смехом сказал ему Марк. – Я, конечно, понимаю, что любовь зла, но все же... – дальше я не могла разобрать слов, я услышала только краткий смешок Марка и ответ мужа:

– Давай не будем об этом. А то рискуем поссориться всерьез и надолго.

...Марк сделал глоток и поставил чашку на стол. С минуту-другую мы сверлили друг друга взглядами. Марк отвел взгляд первым.

– Ну... – протянул он. – Вроде мы обо всем договорились. Мне сейчас нужно сделать срочные звонки...

Намек был более чем прозрачен.

Я сделала последний глоток кофе и встала.

– Я пойду. Жду вашего звонка вечером.

Он кивнул.

– Всенепременно.

И, махнув рукой в знак прощания, сделал вид, что углубился в деловые бумаги.

В приемной Кира Андреевна была не одна. Рядом с ней стояла та молоденькая прилипала. Судя по тому, как она резко обернулась на звук открывшейся двери, как льстиво улыбнулась и тут же снова переключилась на Киру Андреевну, при этом всей спиной излучая неумеренное, прямо-та-

ки сверхъестественное любопытство, я поняла, что осталась она специально ради меня. Поглазеть на жену самого Дымова. Одно дело, слушать сплетни и гадости, другое дело – увидеть самой. Все равно что слышать о динозаврах, но никогда с ними не сталкиваться. А здесь встреча воочию.

– Вы уже уходите, Инна Викторовна? – меланхолично откликнулась Кира Андреевна, занятая своими делами.

Обращение ко мне было еще одним поводом для прилипания окинуть меня цепким женским взглядом. Чем она не замедлила воспользоваться. Просканировали меня основательно: вычислили, сколько стоят мои ботинки, где куплен шарф и когда я в последний раз была у парикмахера.

– Да. Ухожу.

Я надела на себя куртку. Прилипла уже в открытую рассматривала меня. И я не сдержалась.

– В последнее время мой муж говорил, что штат фирмы – раздут. Я посоветовала ему оставить старый костяк, а новых уволить. Кризис. Финансы надо экономить.

Это была стрела, точно пущенная в цель. Муж никогда не советовался со мной по поводу работы и никогда не обсуждал никакие дела. Но это знали только мы с ним. Молоденькая прилипла округлила глаза и приоткрыла рот. На ее лице был написан ужас, смешанный с удивлением. Я поняла все без слов. Взяли однодневку за красивые глаза и в случае чего она – первый кандидат на вылет. О чем я ей и сообщила.

Как ни странно, я почувствовала удовлетворение. Я не бы-

ла кровожадной, но библейская система ценностей «если тебя ударили по щеке – подставь другую» не имела для меня авторитета. «Я бы не хотел иметь тебя врагом», – сказал мне однажды муж. «Это почему?» – со смехом спросила я. «Ты как... – он запнулся, – как древний воин действуешь без жалости и снисхождения. Для тебя отрубить голову врагу – было бы актом торжествующей мести и физического удовольствия. Ты скальпировала бы врагов и собирала их сердца в мешочек».

– Может быть, – пробормотала я. – Не спорю.

Над этими словами я никогда не задумывалась, но теперь – вспомнила.

Кира Андреевна метнула на меня удивленный взгляд, но промолчала.

– До свидания, – громко сказала я.

– До свидания, – услышала я от секретарши.

Ветер на улице усилился. Я села в машину и задумалась. Объяснение Марка меня не удовлетворило. Но большее он сказать не мог. Или не хотел. Я снова набрала телефон Дымчатого. И снова «абонент временно недоступен». Я положила телефон рядом на сиденье и сняла капюшон. Ждать до вечера? Но позвонит ли Марк? Приходилось полагаться на него. Но сдержит ли он свое обещание? Насчет этого никакой уверенности у меня не было.

Я ехала по улицам города медленно. Снег валил крупными хлопьями, и часто приходилось стоять в пробках. Неожиданно

данно я вспомнила, что у Леди Ди нет еды и надо сходить в магазин. Я затормозила у универмага в центре – на Садовом кольце – и вышла, поставив машину на сигнализацию.

Тревога во мне крепла вместе с усиливавшимся снегопадом. Раньше такого не было: Володя всегда аккуратно звонил и ставил меня в известность о своем местонахождении. Кроме того, мне не нравился вчерашний ночной звонок. Марк меня уверял, что муж на переговорах. Но так ли это? И возможности проверить его слова у меня не было... Я подумала, что забыла взять у Марка телефон. Он наверняка есть где-то в записных книжках Дымчатого. До этого момента мне совершенно не нужен был телефон Калмановского, и поэтому не пришло в голову узнать его домашний и сотовый.

Я ругала себя за оплошность, но понимала, что изменить ничего не могу.

Дома я первым делом проверила автоответчик: никто не звонил.

Кошка сидела на подоконнике и смотрела на меня голубыми глазами. Она сидела около единственного цветка в нашем доме – кактуса, похожего своей формой на трезубец, и ждала своей порции. Леди Ди никогда еду не выпрашивала: это было ниже ее достоинства. «Она похожа на тебя», – сказал как-то Дымчатый, усмехаясь. «Что ты имеешь в виду?» – «Будет умирать, но ничего не попросит. Исключительно гордая кошка. Как ты».

Я насыпала в миску еды и отошла в сторону. Кошка спрыг-

нула, выгнув спину, не спеша подошла к миске. Она посмотрела на меня, и я отвернулась.

– Не буду тебе мешать, – вслух сказала я и вышла из кухни.

Я сидела на диване, поджав ноги, и смотрела телевизор. Если так можно было назвать занятие, при котором одна картинка сменяла другую, а я смотрела на них, не пытаясь вникнуть ни в сюжет, ни в логику. Я сидела и ощущала, как мертвенный холод разливается в животе, словно я наглоталась сосулук, и они постепенно леденят меня изнутри. «Раньше такого не было», – сказала я вслух. Как бы Володя ни относился ко мне, он звонил и предупреждал о своих делах. Или о том, что ему надо срочно уехать. А здесь – ничего. Ни звонка, ни предупреждения...

Кошка уже перебралась в комнату и сидела на коричневом пуфике, тщательно вылизывая себя.

– Дашка! – позвала я ее. Но она даже не повернулась в мою сторону. Я щелкнула пультом. Пялиться дальше в ящик было пустым делом. Нужно было что-то делать, чем-то занять мозги и руки, чтобы только не сходить с ума от неизвестности, от того, что муж – непонятно где, а я ничего о нем не знаю.

Я вскочила с дивана. Первым делом нужно найти телефон Марка. Квартира у нас была двухкомнатной; когда мы переехали в нее, это была трехкомнатная коммуналка с большим коридором и мрачной кухней с темно-зелеными стенами.

Дом был старый, сталинский – с большими потолками и толстыми звуконепроницаемыми стенами. Я думала приобрести жилье в новостройке, но Володя захотел купить квартиру именно в этом районе – Лефортово – и непременно в сталинском доме, потому что в Лефортове в сталинском доме он жил в детстве до развода родителей, до того как им с матерью после размена квартиры пришлось переехать на окраину Москвы – в Братеево.

Перепланировкой руководила я. Володя сказал, что ни во что влезать не станет. Делай как знаешь, с улыбкой прибавил он. Я решила сделать кухню меньше, а из трех комнат соорудить две. Одна большая – гостиная, одновременно служившая нам спальней, а вторая поменьше – кабинет мужа. Но он, узнав об этом, запротестовал.

– Какой кабинет? Я что, писатель? Мне хватит и стола в нашей спальне. У меня ноутбук, а таскать его я могу по всей квартире. Без проблем.

– Тебе нужен кабинет, – настояла я.

Центральное место в кабинете занимал стол из красного дерева, купленный в антикварном магазине. Когда я увидела этот стол, то просто влюбилась в него. Продавался он со скидкой – у него были небольшие дефекты: царапины по левому краю и трещины на задней стенке. Я сразу притащила стол домой – наняла грузчика и привезла к нам. Дымчатый, увидев его, расхохотался, но потом признался, что стол – обалденный и у меня хороший вкус. От этих слов я летала.

Я любила светлые тона и поэтому квартиру сделала бело-кремово-бежевой. С небольшими вкраплениями шоколадного и терракотового. Я обложилась журналами по дизайну, и через три месяца ремонт в квартире был закончен.

Володя ремонтом был доволен. Мы пригласили Марка. А после его визита муж сказал:

– Можно было сделать и поярче.

– Тебе же нравилось!

– И нравится. Но можно было сделать и по-другому.

– Это тебе Марк сказал? – спросила я, закипая от бешенства.

– Да что ты, малыш? Обиделась? Это я просто так ляпнул. Ей-богу.

Но «просто так» вечером вылилось в небольшую истерику в ванной. Я плакала, закрывшись там, но когда вышла к ужину, Володя ничего не заметил: я тщательно скрыла следы своих слез.

В гостиной преобладала белая мебель с позолотой сверху: в виде узорчатых вензелей – легких, как росчерк быстрого летящего пера. И только пара шоколадных пуфиков и большие напольные часы из темного дерева разбавляли это снежное царство. Я любила белый и черный цвета, чистоту и белизну, четкость и контрастность. И в одежде у меня преобладали эти цвета; без цветowych пятен и пестрых расцветок.

За антикварным столом муж работал редко. Он не любил, по его выражению, «тащить работу в дом», и поэтому боль-

шей частью стол с ноутбуком был не востребован, но мне почему-то думалось, что если где муж и хранил свои записные книжки, то только в ящике этого стола. Этот ящик закрывался на ключ, но я никогда не видела, чтобы Володя запер его. Несколько раз он при мне открывал ящик, и я видела в нем сваленные бумаги, стикеры, ручки, начатые и пустые блокноты и прочий офисно-бумажный хлам. «Слушай, – сказала я мужу, – как ты свои дела ведешь на работе, ты, по-моему, офисный неряха». – «У меня для этого есть секретарша, – мгновенно ответил он. – Она и ведет всю эту бумажную мутотень. А я – генератор идей». – И он постукал себя по лбу. «Хорош генератор, – фыркнула я, – порядок у себя не можешь навести». – «Ну-ну, моя критикесса, – сердился муж. – Может, не будем раздувать пожар семейной ссоры».

Я внезапно подумала, что муж отдалился от меня так сильно, потому что я не делала самого главного – не смотрела ему в рот, что, безусловно, требуется от женщины. Мой муж любил себя чувствовать самым-самым. А я не поддакивала ему и не льстила мужскому «эго», то есть вела себя непростительно для жены.

– Умеешь ты, Инка, одним щелчком втоптать человека в грязь, – говорил мой муж, хмурясь. – Знал бы, что ты такая колючая, ни за что бы не женился.

Раньше я думала, что он шутит. Но теперь подумала, что он говорил серьезно...

Я прошла в спальню в сопровождении Леди Ди и остановилась. Деликатная кошка тоже остановилась на расстоянии от меня.

– Ну что ж! – вслух сказала я. – Приступим.

Я подошла к столу и потянула на себя ящик. К моему удивлению, он не поддался. Я потянула его сильнее, потом подергала. Сомнений не было – ящик был закрыт.

Я нахмурилась. Раньше Дымчатому не приходило в голову запирать от меня ящик. И зачем он сделал это? С какой целью? Скрыть от меня важные бумаги? Но он прекрасно знал, что я никогда не стану рыться в его вещах. Я никогда не проверяла карманы мужа, его борсетки и не шарила в бумажнике. И тем более не стала бы лазить в ящик его стола.

Но факт оставался фактом. Я села на кровать. Я еще не успела задернуть занавеску в спальне, и мне было видно, как большие белые хлопья летят в окно, как бабочки на огонь, и облепляют мокрое стекло, стекая вниз тонкими струйками.

Я встала и задернула занавеску.

Ящик надо открыть. Немедленно. Почему-то в голову пришла мысль, что закрыт он неспроста. И в это время раздался звонок сотового. Я неслась к нему, опрокинув низкий стул, некстати стоявший около дверного проема, и больше всего на свете боялась не успеть.

Одним движением я рванула молнию на сумке и выхватила оттуда мобильный.

– Алло! – запыхавшись, сказала я. – Алло!

– Инна? – голос был знаком. Солидный протяжный голос, каким обычно говорят адвокаты и частные дорогие врачи. Но сейчас я не могла вспомнить, кому он принадлежал.

– Вадим Петрович? – предположила я.

– Да, Вадим Петрович.

Получалось, я не ошиблась. Это был крупный юрист, раскрученный и дорогой, он обслуживал несколько фирм, в том числе и фирму Володи. Он был по-настоящему дорогим юристом и брался только за те дела, которые помимо финансовой выгоды сулили либо мелькание в прессе, либо новые связи с нужными людьми.

Дымчатый говорил, что Вадим Петрович – его старый знакомый, но я верила этому и не верила. Во-первых, Вадим Петрович был старше Володи лет на пятнадцать, во-вторых, мне было трудно себе представить, что рубаха-парень, каким любил себя изображать Дымчатый в компаниях и на вечеринках, мог найти общий язык с солидным адвокатом, при котором и анекдот-то рассказать зазорно.

– Можно к телефону Владимира Николаевича?

– Володю? – я старалась ничем не выдать своего удивления. – А его... нет.

– И где он?

– В Питере.

– В Питере? – возникла пауза.

– В командировке, – добавила я. – Он уехал вчера утром.

– А... надолго?

– Не знаю.

– Понятно. Я почему беспокоюсь, – вдруг решил Владимир Петрович. – Я звоню ему на сотовый, а он не соединяет. «Абонент недоступен». – Снова возникла пауза. Я почувствовала, как от напряжения вспотели мои ладони. – Вы когда с ним разговаривали?

– Я?

– Ну да, вы? – в голосе адвоката послышалось легкое раздражение.

– Вчера.

– Странно, с позавчерашнего вечера я и не могу с ним связаться. Ну ладно, Инна Викторовна, если Владимир Николаевич вдруг выйдет на связь, скажите, что он мне очень нужен.

– Хорошо.

Я повесила трубку. Происходящее мне нравилось все меньше и меньше. Владимир Петрович не тот человек, от которого Дымчатый стал бы прятаться или скрываться. Марк уверял меня, что все в порядке. Но насколько он сам уверен в этом? Я уже в который раз чертыхнулась, что не взяла у Марка телефон и теперь вынуждена сидеть и ждать от него звонка.

И еще этот... запертый ящик!

Я вернулась в спальню и снова его подергала. Он не открылся. Я легла навзничь на кровать и уставилась в потолок.

– Надо что-то делать! – сказала я вслух. – Но вот что?

Можно было попробовать открыть ящик перочинным ножиком или толстой скрепкой. Или маникюрными ножницами. У меня не было опыта взломщика, и поэтому я не знала, какие инструменты годятся для запертых ящичков. Но была готова попробовать все, что имелось под рукой. Времени у меня было уйма. И кроме того, этот ящик все равно не даст мне покоя...

Лезвие ножа чуть не сломалось, когда я принялась шуровать им в замочной скважине, скрепка тоже не годилась. Маникюрные ножницы после пятнадцати минут моих потуг были отложены в сторону. Если было бы утро, то я пошла бы в ДЭЗ и вызвала слесаря. А если попробовать его поддеть ножом с обратной стороны, где уже были трещины?

Я просунула нож в трещину и стукнула по нему кулаком, проталкивая его еще дальше.

Через десять минут я сломала заднюю перегородку ящика и вынула его. Там лежал, как я и думала, бумажный хлам и тонкая папка с какими-то документами. Я ничего в них не понимала и поэтому, открыв, почти сразу же захлопнула и сунула обратно.

Получалось, что испортила антикварный стол просто так. За здорово живешь... Н-да... Дымчатый за это меня не похвалит. Но черт! Куда же он делся?

Я снова набрала номер мужа. Глухо.

Тревога усиливалась. Она поднималась откуда-то изнутри, точнее, из самого нутра, звериная, сосущая тревога, от

которой было нигде не спастись, никуда не деться. Я резко выдохнула и вцепилась руками в волосы. Если не дозвонюсь сегодня в Питер, завтра поеду туда сама. Разберусь на месте...

Сна не было ни в одном глазу. Я принялась мыть посуду для успокоения. Когда мне становилось совсем тошно, я принималась мыть посуду: тщательно, медленно. Сначала намыливала ее специальной жидкостью, а потом смывала. Так же медленно и тщательно. И мерный шум льющейся воды успокоительно действовал на нервы. Но – не сегодня. И не сейчас.

Я уснула, приняв две таблетки снотворного. Провалилась в тяжелый сон, даже не поставив предварительно будильник на шесть утра. Забыла.

Утро началось с воя сирены во дворе. Это было обычным делом. И, как правило, я вставала и раздраженно говорила пару «теплых» в адрес этих горе-автолюбителей, забывших отключить сигнализацию. Но здесь я подскочила на кровати и посмотрела на часы. Если бы не сирена, я бы по-прежнему спала, забыв о том, что мне надо ехать в Питер и выяснять, почему Володя не отвечает на мои звонки.

Я еще раз проверила автоответчик и сотовый. Звонков не было. Марк не звонил, и значит, он тоже ничего не знает... Но черт возьми, они должны там лучше меня знать, где мой муж. Ведь он в командировке! По работе!

Я вскочила и побежала в кухню. Дрожащими руками набрала телефон приемной, и вежливо-механический голос Киры Андреевны пророкотал в трубку:

– Приемная Дымова Владимира Николаевича.

– Кира Андреевна! – я сглотнула. – Мой муж не объявлялся?

Возникла легкая пауза.

– Нет.

– Значит, не звонил? – подытоживаю я обреченным голосом.

– Нет.

Вторая пауза была тяжелей первой. Я чувствую, что она набухает, как капля воды, готовая вот-вот сорваться с ветки и шлепнуться вниз.

– А Марк Игоревич? На работе?

– Нет. Он уехал по делам. Будет во второй половине дня.

– Вы можете дать мне его телефон? Мне очень нужно.

Говорят, что бог троицу любит. Это утверждение никак не относилось к третьей паузе, которая была уже просто невыносима. Мне хотелось стукнуть кулаком по столу, заорать, разбить тарелку, но только чтобы не длилась эта мучительная пауза, подступавшая тошнотой к горлу.

– Одну минуту... – услышала я.

Воспитанная Кира Андреевна не могла послать меня далеко и надолго. Она явно не хотела давать мне телефон Марка, но и отказать не могла. Возможно, Кира Андреевна наде-

ялась, что я отстану от нее или подыграю ей и скажу: «Ладно, позвоню в другой раз...»

Но я была загнана в угол и поэтому терпеливо ждала, стиснув зубы.

В телефонной трубке я слышала какой-то звук, словно звякнул стакан, потом шум отодвигаемого стула.

Минута длилась вечность... Наконец, трубку взяли.

– Что-то я не найду... – неуверенно сказала Кира Андреевна.

– Ничего, я подожду...

Я посмотрела на часы. Я даже еще не звонила на вокзал и не бронировала билет. Хотя, наверное, лучше поехать прямо на вокзал и купить билет на месте... Кира Андреевна крадет мое время. Время, которого у меня нет!

Трубку взяли вторично.

– Вот нашла... – замороженный голос Киры Андреевны, голос, каким говорят с плохо воспитанными детьми, мог кого-то повергнуть в шок. Но не меня. Честно говоря, мне на это было наплевать!

– Вы записываете? – спросила она.

Господи! Я даже не взяла клочка бумаги, на котором могла записать телефон! Ну и растяпа...

– Одну минуту, – теперь уже просила я.

– Да...

Я ринулась к своей сумке. Рука нырнула в боковой карман, откуда я вытащила записную книжку и ручку. Я неслась

к кухне, сломя голову. Я страшно боялась, что Кира Андреевна сейчас положит трубку, а потом, когда я стану перезванивать, то она уже сошлетя на занятость или вообще откажется разговаривать.

Я схватила трубку, тяжело дыша.

– Алло! Алло! – закричала я.

– Инна Викторовна. Я у телефона, – раздался невозмутимый голос Киры Андреевны. – Вы записываете?

– Да. Записываю.

Она продиктовала телефон. Я судорожно писала цифры, придерживая бумагу рукой.

– Все?

– Да.

– Всего доброго, – и она повесила трубку прежде, чем я смогла что-либо ответить.

Я стояла с клочком бумаги в руках и смотрела на него в оцепенении. Потом тряхнула волосами и пошла за сотовым.

Я набирала номер Марка с опаской, что там окажется занято или абонент будет недоступен. Но на том конце раздались длинные гудки. Я стояла, наматывая прядь волос на палец, и слушала, как долгие гудки отдавались эхом в голове. Никто на том конце не брал трубку. Не хотел брать. Это было очевидно, но я – классическая упрямец – стояла и ждала непонятно чего.

Я дала отбой. В течение дня я без конца названивала Марку, пока до меня не дошло: с Марком – дело швах. Я могу

названивать ему до бесконечности, и он будет игнорировать мои звонки. Но я не могу находиться в бездействии. Не могу!

Как только я пришла к такому решению, оцепенение с меня спало, и я поняла, что мне нужно ехать на вокзал и брать билет в Питер. И чем скорее, тем лучше. Я и так потеряла много времени впустую.

Я лихорадочно заметалась по комнате и принялась складывать свои вещи в большую дорожную сумку, которую с трудом стащила с антресолей. Там лежали две пары коньков: мои и мужа, купленные очень давно – в первый год нашей совместной жизни. Несколько раз мы даже выбирались в парк «Сокольники», где играла торжественная музыка, и Дымчатый все время падал на лед, с трудом удерживаясь на ногах, и глядя на меня, тоже неважно катавшуюся, но падавшую значительно реже, пообещал, что теперь мы будем выбираться в парк каждый выходной и станем известными фигуристами местного масштаба. Потом это желание заглохло, сошло на нет, как и многое другое в нашей жизни.

Я вытащила коньки из сумки, у которой одна ручка была полуоторвана, и стала закидывать туда вещи первой необходимости. Я решила, что поеду прямо на вокзал и куплю билет там. Все равно каким образом: с рук, с переплатой, у начальника вокзала или в кассе для vip-пассажиров. Я знала только одно – мне надо уехать, и я уеду. Во что бы то ни стало.

Когда сумка была собрана – кошка следила за мной с невозмутимым видом, – меня осенило: я не могу оставить ее одну. Нужно связаться с соседкой и попросить ее присмотреть за ней. Я дам соседке деньги и буду знать, что с Ди все в порядке.

Я метнулась в холл. После десяти минут непрерывного звона – я не снимала палец с кнопки – я поняла, что спихнуть Дашку соседке не удастся. Но и оставаться я тоже не могла.

– Дашка! – я обратила внимание, что сейчас, когда Дымчатого нет, я все чаще называю кошку Дашкой – так, как называл ее он. – Даш! Мне нужно срочно уехать, и я не могу больше медлить. Ты уж побудь здесь одна, пожалуйста. Я скоро приеду. Не волнуйся, надолго не задержусь.

Мою тираду Дашка-Ди выслушала с царственным видом – показывая, что ей все нипочем, в том числе мои стенания и нервозность.

Когда я уже стояла в дверях, то подумала, что если с Дымчатым все в порядке и он просто загулял вдали от родных просторов, то я буду похожа на клиническую идиотку без всяких шансов на снисхождение со стороны мужа.

Билет я купила, потому что мне повезло, как сказала мне кассирша, – только что его сдал какой-то студент, отказавшийся в последний момент ехать в Питер.

В дороге я читала любовный роман, который купила на прилавке за пятнадцать минут до отправления; буквы прыга-

ли у меня перед глазами – я никак не могла сосредоточиться на чтении и постоянно теряла сюжетную нить. Напротив меня сидел бодрый румяный мужчина лет пятидесяти с небольшим, который без конца разговаривал по сотовому, обещая кому-то «уладить проблемы с активами в самое ближайшее время». Разговаривая, он оттопыривал мизинец, откидывал голову назад и вздергивал вверх подбородок, как будто старался казаться значительней, чем он был на самом деле. Кончив в очередной раз разговаривать, он качал головой и смотрел в окно, как будто бы желал увидеть там решение мучившей его проблемы. В перерыве между звонками он достал из кожаного кейса апельсин, аккуратно очистил его складным швейцарским ножиком – точно такой же был у Дымчатого, и только он успел запустить крупные белые зубы в сочную мякоть, как сотовый зазвонил снова, и мужчина положил апельсин на салфетку.

В последний раз разговор был кратким. Мужчина буркнул, что «неправомочен решать эти вопросы», и дал отбой.

– Замучили звонками, – пожаловался он, вертя шеей, словно ему жал воротничок. – Мутотень одна. Поесть спокойно не могу.

Сок от апельсина брызнул в разные стороны.

– Пардон.

– Ничего.

Он отвернулся в сторону, чтобы до меня не долетали брызги от апельсина, и пробормотал: – Заели супостаты.

Я молчала.

– Вы едете в Питер по делам? – неожиданно спросил он.

– Да. Маленькая командировка, – уклонилась я от ответа.

– Красивый город. Но решать дела там не умеют. Или не хотят, – с неожиданной злостью сказал он. – Питер – жесткий город. Даже Москва более сентиментальна, слезлива. Она может раскаяться, пожалеть, помиловать. Питер – никогда. Он мне напоминает безжалостного гангстера типа Аль-Капоне. Франтоват, безупречен, на лице – непроницаемая маска; такой, не задумываясь, разрядит в тебя всю пистолетную обойму – потом поправит манжеты, сплюнет на землю и пойдет дальше. А Москва... – и здесь мой новый знакомый махнул рукой, – все какие-то мелкие шулера, опереточные фраера – пестрый сброд. Шумят, кричат, торгуются до последнего. Цыганский табор. Вас как зовут? – спросил он без всякого перехода.

– Инна Викторовна.

– Меня Аристарх Степанович. Будем знакомы, – и он протянул мне свою ручищу. Моя рука утонула в его медвежьей лапе. Он потряс мою руку, а затем отпустил ее. – Очень приятно, – пророкотал он.

– Взаимно.

Я забила в угол, но спать не хотелось.

– Бессонница? – спросил мужчина.

– Она самая.

– Но у меня-то дела. А у вас?

– Тоже дела, – улыбнулась я.

– У женщины должна быть идеология трех «К». Слышали об этом?

– Естественно. Кухня, дети, церковь.

– Как только женщина отходит от этого – появляются проблемы.

– У кого?

– У всех. Просто головная боль, как наши женщины рвутся в бизнес, к власти. Сидели бы дома – было бы намного спокойней.

Спорить с попутчиком мне не хотелось.

– Вот моя жена – как поженились, так я ее и освободил от работы. Она у меня – домохозяйка. И слава богу – тьфу, тьфу, чтобы не сглазить – тридцать лет вот уже вместе. Все мои друзья-приятели поразвелись, переженились. А я как дуб. Стою в поле один – крепкий и могучий. Похож? – и Аристарх Степанович по-свойски подмигнул мне.

– Вылитый дуб, – улыбнулась я.

– Ладно, я чего-то устал. Сосну-ка я маленько. – Мой новый знакомый приткнулся в углу, и через минуту я уже услышала залиvistый храп.

Я смотрела то в окно, то на своего знакомого, то пыталась вернуться к героям книги. Все было безуспешно, но сон в конце концов сморил меня, и я отключилась, положив книгу на столик рядом со смятой салфеткой в апельсиновом соке.

Проснулась я от того, что кто-то тряс меня за плечо.

– Инна! Вставайте. – Мой новый знакомый был уже на ногах и разговаривал с кем-то по телефону.

– Спасибо, – пробормотала я, вытягивая затекшие ноги.

– Не за что. – Аристарх Степанович прикрыл трубку рукой. – Считайте это актом человеколюбия. Без меня вы бы уехали в депо или вас разбудил бы проводник, предварительно обчистив ваши карманы. – И он подмигнул мне, а потом вздернул вверх подбородок и продолжил разговор.

– А я говорю, что перестаньте обращаться ко мне с угрозами. Я сказал, что разрулю эту проблему, значит, разрулю. Мне нужно еще время, я уже говорил вам об этом. Послушайте, мы с вами ведем дела уже не первый год.

Во время разговора мой попутчик мрачнел все больше и больше, а по окончании разговора отвернулся и стал смотреть в окно.

– Да... дела, – тяжело вздохнул он. – Дикая страна, дикий бизнес. Если у вас есть бизнес, сворачивайте его и утекайте за границу. Скоро здесь станет невозможно вести дела. Законы ни для кого не писаны, норм и правил никаких нет, кто смел, тот и съел. Вот так-то, Инна!

– Спасибо за совет.

– А что вы смеетесь – я чистую правду говорю. Вы еще не однажды вспомните мои слова. Это я вам обещаю.

Он снял с полки кейс и, стянув с крючка кожаную куртку, надел ее.

– Счастливо, Инна! – отсалютовал он мне. – Будьте здо-

ровы, живите богато.

– Вам того же.

Он хохотнул и повертел головой.

– О'кей.

Оставшись одна, я вскочила с места, надела куртку, обмоталась любимым шарфом, подхватила свою сумку и вышла на перрон.

Питер встретил меня мокрым снегом. Он залеплял мне глаза, уши, рот. Я шла и поворачивалась спиной к резкому ветру, пронизывающему насквозь, до самых косточек.

Я любила Питер – за его четкие, строгие линии, широкие проспекты – ту основательность, горизонтальность, которая кажется основой всего сущего: порядка, размеренности и здоровой консервативности.

Питер для меня всегда был городом-загадкой, городом-миражом, который, как таинственный град Китеж, в любой момент может уйти под воду, изредка являясь во всей своей ослепительной красе перед изумленными жителями. Чем-то Питер напоминал мне Севастополь – тот же размах, имперское величие, щедрость и роскошь архитектуры. Когда все с избытком, через край – без оглядки на нормы и правила. Словом, знай наших!

Я поймала такси и назвала адрес гостиницы, в которой обычно останавливался Дымчатый. Эта старая питерская гостиница находилась в центре города и располагалась в обложке стиля «модерн».

В холле гостиницы пахло воском и старинным деревом – такой тяжелый кисловато-терпкий запах. И эти огромные зеркала – во весь рост, в которых отражаешься не только ты, но и все роскошное деревянно-мраморное пространство: от лепнины на высоченных потолках до большой разлапистой пальмы около входа.

Я направилась к ресепшену. Худая девушка с волосами, гладко зачесанными назад, с правильными чертами лица и безукоризненной осанкой напоминала одновременно топ-модель и воинственную амазонку. Сзади нее работал маленький телевизор: передавали местные новости. При моем появлении она механически-заученно улыбнулась мне.

– Добрый день! – ее голос был высок и мелодичен. Как нота, которую взяла прима оперного театра. – Вы хотите снять у нас номер? К сожалению...

– Я хотела узнать о Дымове Владимире Николаевиче – он остановился у вас.

Я стояла и переминалась с ноги на ногу. Старая сумка с полуоторванной ручкой стояла около моих ног на полу, как бродячая собака, которая прилепилась к первому встречному в надежде, что тот ее заберет к себе домой.

– Простите... Вы?.. – она вопросительно посмотрела на меня.

– Его жена. Вот мой паспорт.

Я достала из сумки паспорт и протянула его ей.

– Да... – Она сверялась с какими-то данными в компью-

тере. – Совершенно верно.

При этом она не пояснила, к чему относится это веское «совершенно верно». К тому, что я – Дымова Инна Викторовна, чей паспорт она рассматривает, или к тому, что мой муж останавливался у них.

– Совершенно верно, – повторила она, возвращая мой паспорт. – Дымов Владимир Николаевич действительно останавливался в нашей гостинице. Но в настоящий момент он выписался.

– Как выписался? – ахнула я. – Когда? У него же командировка.

Девушка бесстрастно посмотрела на меня.

– К сожалению, ничего не могу вам сказать. Он уехал из гостиницы час назад. Вызвал такси и уехал.

Я стояла в полнейшей растерянности.

– А куда он уехал? – прохрипела я. – Вы случайно не знаете?

В невозмутимом взгляде амазонки ресепшена мелькнуло нечто, очень отдаленно напоминающее легкое сочувствие. Вроде как к умственно отсталой или душевнобольной.

– Я сама вызвала такси, – пропела она. – Клиент вызвал машину до парка в конце проспекта Энгельса.

– Спасибо, – пробормотала я. – Большое спасибо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.